

ИСТОРИОГРАФИЯ

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

В. Е. Иллерицкий

Вопрос о государственной школе в русской историографии изучен недостаточно. Между тем разработка этой важной проблемы позволяет понять особенности буржуазной историографии на длительном этапе ее развития и на основе критического анализа воззрений виднейших представителей государственной школы и сопоставления их взглядов с другими направлениями исторической мысли определить подлинное место этой школы в русской историографии.

Впервые вопрос о государственной школе как особом направлении в русской историографии XIX в. был затронут П. Н. Милюковым¹. Назвав эту школу «юридической» и отнеся к числу ее представителей К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева и В. И. Сергеевича, он попытался раскрыть философские основы их исторических взглядов и в общей форме осветил понимание этими историками русского исторического процесса. Однако идеалистический характер воззрений Милюкова, ставшего впоследствии типичным представителем реакционной буржуазной историографии эпохи империализма, исключал возможность правильной оценки им государственной школы. Он не мог, разумеется, даже поставить вопрос о классовой сущности этой школы и указать на основной ее порок, заключавшийся в крайней переоценке роли государства в истории, поскольку такой порок был свойствен и взглядам Милюкова.

Больше того, принципы государственной школы в значительной степени отразились в его «Очерках по истории русской культуры». Милюков, следуя за Чичериным, доказывал полную якобы зависимость общественного развития и истории культуры в России от действий государственной власти. Он как идеолог русской империалистической буржуазии и ярый противник революции выступил в качестве апологета сильного государства. Другие буржуазные историки вопрос о государственной школе специально не рассматривали.

В советский период эта тема длительное время не выдвигалась в качестве самостоятельной. По сути, она не освещена ни М. Н. Покровским, ни его учениками². И только Н. Л. Рубинштейн впервые посвятил

* В основу статьи положена глава автора о государственной школе в русской историографии в пореформенный период из подготовляемого Институтом истории АН СССР к печати второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР» под редакцией М. А. Алпатова, Б. Г. Вебера, С. М. Дубровского, М. В. Нечкиной (ответственный редактор), А. Л. Сидорова, А. М. Станиславской, М. Н. Тихомирова.

¹ П. Н. Милюков. Юридическая школа в русской историографии. Журнал «Русская мысль», 1886, кн. 6, стр. 80—92.

² М. Н. Покровский в работе «Борьба классов и русская историческая литература» (Птгр. 1923) ограничился общей оценкой взглядов Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева, не рассматривая их как представителей единой школы. Стремясь раскрыть классовую основу воззрений этих историков, Покровский дал им упрощенную характеристику. Он писал, что «Чичерин был тамбовский помещик, Соловьев был городской житель»

государственникам особую главу в своей книге «Русская историография». Он в основном правильно осветил вопрос о классовой сущности государственной школы, определил круг проблем, разработавшихся ее представителями, дал содержательную и в основном верную оценку воззрений К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина как виднейших представителей этой школы. Но ряд положений, выдвинутых Н. Л. Рубинштейном, представляется спорным. Так, на наш взгляд, он неправ, отделяя С. М. Соловьева от государственной школы³, не показывая эволюцию воззрений государственников в пореформенный период. Кроме того, Н. Л. Рубинштейн искусственно связывал эту школу с развитием только дореформенной буржуазной историографии, рассматривал государственников в значительной мере изолированно от других направлений исторической мысли.

В основном такие же недостатки в трактовке государственной школы присущи первому тому «Очерков истории исторической науки в СССР»⁴.

В итоге ряд важных проблем, раскрывающих характерные черты государственной школы, требует дополнительного изучения. К их числу относятся: время оформления и этапы развития государственной школы, в частности, в пореформенный период, ее состав, вопрос о месте государственной школы в русской историографии, поскольку в советской литературе недостаточно раскрывались тенденции к сближению ее представителей с официальной историографией и не подчеркивалась противоположность взглядов государственников историческим воззрениям революционеров-демократов.

Попытка наметить решение названных вопросов и составляет задачу настоящей статьи.

Государственная (юридическая) школа в русской историографии окончательно сложилась во второй половине 50-х годов прошлого века, ее коренные принципы были отчетливо сформулированы тогда в трудах главы этой школы Б. Н. Чичерина.

Завершение оформления государственной школы в указанный период было подготовлено предшествующим развитием буржуазной историографии, начиная с Эверса, и знаменовало вместе с тем новый этап в истории русской буржуазной исторической науки. Этот этап отразил идейно-политическую эволюцию помещичье-буржуазного либерализма, ясно определившееся к началу 60-х годов сближение либералов с крепостниками, происходившее в обстановке острой борьбы за капиталистическое развитие России.

Все более тесное сближение либералов с крепостниками явилось результатом их борьбы с демократическим лагерем, выражавшим революционные настроения крестьянских масс, было вызвано страхом перед надвигавшейся народной революцией. Обострение классовых противоречий в стране и расширение деятельности демократических элементов обусловили настойчивое стремление помещичье-буржуазных либералов сохранить сильную монархическую власть, способную предотвратить революционные выступления народных масс. Вследствие этого либералы

(стр. 61). Более содержательными являлись статьи учеников М. Н. Покровского (П. Соловьев. Философия истории Гегеля на службе русского либерализма. Историческая концепция Б. Н. Чичерина. Сборник «Русская историческая литература в классовом освещении». Т. 1. М. 1927, стр. 119—204. З. Лозинский. Историк великодержавной России С. М. Соловьев. Там же, 205—276). Однако и в этих статьях оценка воззрений Чичерина и Соловьева дана односторонне. Авторы статей, как и Покровский, не рассматривали Чичерина и Соловьева в качестве представителей государственной школы; место этих историков в буржуазной историографии ими не определено.

³ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М. 1941, стр. 314.

⁴ «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. 1. М. 1955, стр. 338—347.

готовы были отречься от своих робких оппозиционных настроений по отношению к самодержавию, выступали в качестве апологетов сильной власти, оправдывали расправу царизма с революционерами и крепили свой союз с реакционными дворянскими кругами. Они рассчитывали, что утверждение буржуазных порядков в результате реформ «сверху» окажется совместимым с сохранением помещичьего землевладения и самодержавия. Именно в период революционной ситуации в России обнажилась антидемократическая сущность и антиреволюционная направленность помещичье-буржуазного либерализма. В это время и завершилось оформление государственной школы в русской историографии.

Лидерами помещичье-буржуазного либерализма и его виднейшими идеологами в середине прошлого века были Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин. Эти деятели, будучи историками русского права, не случайно оказались и крупнейшими представителями государственной школы в русской историографии.

Особенности нового этапа в развитии либеральной помещичье-буржуазной историографии отразились с наибольшей полнотой в исторических воззрениях Чичерина. Он подчинил теоретические принципы государственной школы задаче исторического обоснования политической программы помещичье-буржуазного либерализма. В соответствии с этим признание государства в качестве основного творческого начала истории и ее движущей силы стало главным принципом государственной школы. Отсюда произошло и ее наименование.

Важнейшим идейным источником исторической концепции Чичерина являлась философская система Гегеля, ее консервативное содержание. Он был последователем правых гегельянцев и в духе последних трактовал исторический процесс. Чичерин подчеркивал ведущую роль государства в историческом развитии, видел в нем вслед за Гегелем творца истории и высшее достижение общественного прогресса. «Государство, — по его определению, — есть высшая форма общезжития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом»⁵. Рассматривая государство в духе идеалистической философии Гегеля как «органический союз народа, соединение всех общих его интересов», в котором «воплощаются сознание и воля народа, как единого целого»⁶, Чичерин видел в нем силу надклассовую и связывал с его деятельностью все изменения в общественной жизни. Наиболее определенно, по мнению Чичерина, руководящая роль государства обнаружилась в России, где сам народ был создан государством, которое будто бы собирало его, блуждавшего по необъятным просторам страны, под свою власть. Географические условия России якобы обусловили всемогущество самодержавного государства, которое «сверху», силой своей власти создало в нашей стране сословия, закрепило их и заставило служить себе. Поэтому, делал вывод Чичерин, только государству принадлежало право освободить сословия. Эта теория закрепощения и раскрепощения сословий, сформулированная Чичериным накануне крестьянской реформы 1861 г., служила оправданию «освобождения» крестьян «сверху», в интересах имущих классов.

Самодержавному государству Чичерин приписывал даже создание общины в России для фискальных целей. Такая община, утверждал он в своей работе «Обзор исторического развития сельской общины в России» (1856 г.), сменила собой в XVII—XVIII вв. вотчинную, которая еще ранее пришла на смену общине родовой. Чичерин доказывал таким спосо-

⁵ Б. Н. Чичерин. Очерки по истории русского права. М. 1858, стр. 369.

⁶ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве. М. 1866, стр. 389.

бом право самодержавного государства на разрушение якобы им же созданной общины с целью передачи земли крестьян помещикам.

Чичерину решительно возражал Н. Г. Чернышевский, вскрывший подлинный политический смысл выводов помещичье-буржуазного либерала. Немедленно после выхода статьи Чичерина он подверг критике исторические «доказательства» автора по вопросу о роли государства в создании общины в России и отсутствии связи между ее последовательно сменявшимися формами⁷. Важно подчеркнуть, что К. Маркс также опровергал положения Чичерина о создании общины в России государством и указывал, что эти домыслы использовались в своих целях немецкими реакционерами⁸.

Выводы Чичерина о всесии государства в русском историческом процессе были историческим обоснованием его тезиса о необходимости для России, где нарастала угроза демократической революции, сильной монархической власти, способной, как писал Чичерин в записке графу Милютину после 1 марта 1881 г., «показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозой»⁹. В. И. Ленин не случайно использовал приведенные слова Чичерина для разоблачения монархических, контрреволюционных устремлений помещичье-буржуазных либералов в России.

Свои общие представления об истории России Чичерин раскрыл в работах «Обзор исторического развития сельской общины в России», «Холопы и крестьяне в России до XVI века», а также в ряде других статей, вошедших в сборник «Опыты по истории русского права» (1858 г.). В этих и последующих исследованиях он подверг анализу многочисленные и важные по своему значению юридические памятники, на основе обширного актового материала обстоятельно охарактеризовал историю учреждений, функции и содержание деятельности воевод всех разрядов, должностных лиц, им подчинявшихся, приказных лиц в Русском государстве XVII в. («Областные учреждения России в XVII веке», 1856 г.), осветил историю земских соборов (глава в книге «О народном представительстве», 1866 г.).

Эти труды объективно содействовали разработке новых вопросов и более полному освещению отдельных сторон русского исторического процесса, раскрывали в известной мере историю сословных отношений в России. Но в конечном счете все исследования Чичерина сводились к обоснованию выдвинутого им коренного принципа, согласно которому ведущая роль в истории России принадлежала будто бы государству.

Однако, создавая свои труды и разрабатывая историческую концепцию государственной школы, Чичерин во многом опирался на ее предшествующее развитие. Изучение им истории государственных отношений в России, ее учреждений и правовых норм, а также истории сословных отношений, столь характерное для всех государственников, исходило из давних традиций буржуазной историографии. Еще И. Эверс заявлял, что он «намерен показать на основании истории России постепенный ход права, возникновение из так называемого патриархального состояния гражданского общества»¹⁰. И. Эверс выступил в качестве создателя родовой теории права применительно к истории славян и наметил

⁷ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III. М. 1947, стр. 649. Более подробно о полемике Чернышевского с Чичериным по вопросу о сельской общине в России см. В. Е. Иллерицкий. Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 11. 1958, стр. 198—201.

⁸ См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат. 1951, стр. 93.

⁹ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 50.

¹⁰ И. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. 1835, стр. 14.

исходные теоретические принципы государственной школы. Родовую теорию Эверса разрабатывали в 40-х годах прошлого века предшественники и старшие современники Чичерина—Соловьев и Кавелин,— а проблема государства, выступавшего в качестве высшей формы общественного развития, стала основной для всех государственников. Соловьев и Кавелин являлись предшественниками Чичерина и в том смысле, что они ранее его обратились к философии Гегеля, как к теоретическому источнику, для обоснования своих представлений о ведущей роли государства в истории.

Самая схема исторического развития России, созданная Чичериным, согласно которой в нашей стране «союз кровный» сменился примерно в XII в. «союзом гражданским», а последний в период царствования Петра I — «союзом государственным», принципиально сходна со схемой Соловьева и Кавелина. Она при всей ее условности и абстрактности все же была более совершенной, чем построения дворянских историков, начиная от Татищева и кончая Карамзиным.

Следует заметить, что и важнейший принцип юридической школы о решающей роли государства, власти в историческом развитии России также получил достаточно определенное выражение в трудах Соловьева и Кавелина, изданных еще до начала литературной деятельности Чичерина. Так, Соловьев заявлял применительно к истории России, что «главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала — власти»¹¹.

Князя Киевской Руси, князя-вотчинника в удельный период, князя как собиратели русских земель, создатели Московского государства и носители принципа самодержавной власти — таковы, по мнению Кавелина и Соловьева, основные деятели русской истории, определившие особенности исторического процесса в стране.

Систематизируя эти представления своих предшественников, Чичерин выразил их в еще более определенной форме. «Образование государства,— заявлял он,— вот поворотная точка русской истории»¹². Вся последующая история России, по Чичерину, была результатом деятельности княжеской власти: «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части»¹³. Подобные рассуждения Чичерина, непомерно возмечивавшего значение княжеской власти в истории России, не имели научного значения. Они получили завершение в следующей формуле: «У нас княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни»¹⁴. Эта формула служила для обоснования реакционнейшего вывода о том, что в нашей стране все творилось «сверху», самодержавной властью, по ее инициативе и благодаря ее направляющему и организующему воздействию. Общественное устройство в России, утверждал Чичерин, «получило бытие от государства; монархия сделалась исходною точкою и вожатаем всего исторического развития народной жизни»¹⁵.

Крайнее преувеличение роли государства, вытекавшее из принципиально неверного понимания его значения в общественном развитии,

¹¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. Изд. «Общественная польза», стр. 103.

¹² Б. Н. Чичерин. Опыт по истории русского права, стр. 380.

¹³ Там же, стр. 285.

¹⁴ Там же, стр. 10—11.

¹⁵ Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 356. Приведенные утверждения Чичерина об историческом значении княжеской власти и монархии развивали применительно к истории России соответствующие положения Гегеля, который полагал, что «народ, взятый без своего монарха... есть бесформенная масса, уже не представляющая собой государства» (Гегель. Сочинения. Т. VII. М.-Л. 1934, стр. 305).

имело своей обратной стороной представление о народных массах как об инертной силе в истории, враждебной государственному началу. И в этом отношении Кавелин и Соловьев выступали предшественниками Чичерина.

Он пошел за ними и в трактовке вопроса о своеобразии географических условий России сравнительно с Западной Европой. Ссылка на особые географические условия нашей страны — обширность ее пространств, их слабую заселенность, что будто бы обеспечивало возможность «бродяжничества» для народных масс и уклонения от выполнения повинностей, — не выдерживает критики. Она понадобилась буржуазным историкам для обоснования необходимости усиления самодержавного государства в России.

Отмеченные черты принципиального сходства исторических воззрений Кавелина и Соловьева со взглядами их младшего современника Чичерина позволяют сделать вывод, что начиная с 40-х годов XIX в. в русской историографии происходил процесс оформления государственной школы, который завершился во второй половине 50-х годов. К этому времени школа объединила в своем составе Кавелина, Соловьева и Чичерина и ряд их сторонников. Но это объединение произошло тогда, когда характер отношений между названными историками уже изменился, когда ученик стал лидером своих учителей, более полно развил и систематизировал принципы государственной школы, придав им значение теоретических догматов. В таком виде эти принципы были использованы для обоснования политических позиций помещичье-буржуазного либерализма в новых исторических условиях. Поэтому с именем Чичерина правомерно связывать завершение оформления государственной школы в русской историографии.

Выступив в качестве виднейшего теоретика этой школы, Чичерин особенно настойчиво подчеркивал ведущую роль самодержавного государства как всемогущего якобы творца истории России. Государство он полностью отрывал от социально-экономических закономерностей, и тем самым весь ход русской истории им извращался. К тому же Чичерин в отличие от Соловьева и Кавелина переоценил роль внешних факторов в истории России — варяжского и монгольского завоеваний, значение западноевропейских влияний в период осуществления реформ Петра I. В то время как Соловьев стремился установить органическую связь и преемственность между отдельными этапами русской истории, Чичерин в отдельных случаях отказывался признавать исторический процесс внутренне обусловленным.

Приведенные моменты своеобразия в воззрениях виднейших представителей государственной школы не носили принципиального значения, характеризуя лишь индивидуальные особенности каждого из них. При этом вполне понятно, что взгляды Чичерина как главы и основного теоретика школы имели большую определенность и завершенность. В среде государственников он отличался своим догматизмом и доктринерством¹⁶.

Само собой разумеется, что указанным различиям необходимо уделять внимание при изучении воззрений каждого историка в отдельности. Когда же речь идет о тех же историках как представителях единой школы, то исследователь обязан выделить прежде всего общие коренные теоретические принципы, объединяющие историков в составе рассматриваемой школы, без которых не может быть понято ее качественное своеобразие.

В середине XIX в. в условиях назревания в России революционной

¹⁶ Эту особенность Чичерина хорошо подметил А. И. Герцен, когда писал о нем как о «несгибаемом доктринере». (А. И. Герцен. Былое и думы. М.-Л. 1947, стр. 718).

ситуации и проведения буржуазных реформ «сверху» крупнейшие буржуазные историки все более прочно усваивали принципы государственников. Они делали это в основном под влиянием работ Чичерина, в которых получила четкое выражение и такая особенность буржуазной историографии рассматриваемого периода, как ее сближение с дворянской, официально-монархической историографией в трактовке коренных проблем русской истории.

Основой для сближения либеральной историографии с реакционной было прежде всего признание ведущей роли государства в истории России; эта точка зрения разделялась и дворянскими историками. Правда, буржуазные историки сделали попытку трактовать вопрос о государстве более разносторонне. Они стремились раскрыть эволюцию государственных отношений, изучить развитие норм права и деятельность государственных учреждений, учитывая при этом изменения, которые претерпели различные сословия. Но классовая ограниченность их мировоззрения в конце концов привела этих историков к тому, что они всю деятельность государства стали сводить к действиям правительства и даже преимущественно верховных носителей власти—князей и царей,—как это делали и дворянские историки.

Сближению буржуазной и дворянской историографии способствовали и другие моменты. На раннем этапе своего развития буржуазная историография разделяла многие принципы дворянских историков, лишь постепенно размежевываясь с ними. Впоследствии, особенно после образования государственной школы, дворянская историография, в свою очередь, стала все больше испытывать зависимость от буржуазной и воспринимать принципы государственников. Наконец, имел значение и тот факт, что виднейшие идеологи буржуазного либерализма и представители государственной школы Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, выражая интересы обуржуазивающихся помещиков, никогда не выступали принципиальными противниками дворянства и дворянского государства и не были поэтому последовательными критиками дворянской идеологии, в частности дворянской историографии. Во всех этих моментах проявлялось своеобразие процесса формирования буржуазных элементов и буржуазной идеологии в России, их зависимость от царизма и от официальной идеологии.

Но все то, что сближало буржуазных историков с дворянскими, противопоставляло их демократическому лагерю. Представители помещичье-буржуазного либерализма враждебно относились к демократическому движению в России и, будучи его классовыми противниками, отвергали демократические принципы в истолковании истории. Это полностью подтверждается воззрениями государственников.

Прежде всего, возвеличение буржуазными историками государства и стремление доказать его всемогущество в России уже содержали в себе отказ от признания решающей роли народных масс в истории. Отсюда и прямо противоположная у государственников и революционных демократов трактовка многих важных теоретических и конкретных исторических проблем: роли личности в истории, значения географических условий в общественном развитии, вопроса о возникновении государства, проблемы образования централизованного государства и его укрепления в России, вопроса о закреплении крестьянства, об историческом значении крестьянских движений и ряда других. Свидетельством решительного расхождения во взглядах по принципиальным вопросам между революционными демократами и государственниками является замечательная статья Н. Г. Чернышевского «Б. Чичерин как публицист» (1859 г.), посвященная коренным вопросам общественного развития России. В этой статье Чернышевский справедливо рассматривал Чичерина как врага революционных преобразований, убежденного либерала,

готового вступить в сделку с правительством. Он недвусмысленно предупредил, что Чичерин «не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость [каждой статьи Свода законов] сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность»¹⁷. Предвидение Чернышевского полностью оправдалось. Герцен, давая в «Былом и думах» оценку Чичерину, с которым он встретился в Лондоне в 1857 г., писал: «С первых слов я почуял, что это не противник, а враг... С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всем... Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гугвернменталист, считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Все его учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии»¹⁸.

Чичерин, в свою очередь, враждебно относился к Чернышевскому и Герцену, называя их «проповедниками социалистических и материалистических теорий», с ненавистью писал о том, что демократические деятели — сторонники народной революции — готовы «загубить великое историческое дело», как он называл преобразования, готовившиеся царским правительством и помещиками в конце 50-х годов прошлого века¹⁹.

В борьбе с демократическим движением и его идеологией Чичерин получал поддержку Кавелина. Политические и исторические взгляды последнего, начиная с 60-х годов, ничем существенным не отличались от воззрений Чичерина. Он также выступал сторонником сильной монархической власти, способной обуздать революционное движение и расправиться с революционерами. Именно Кавелина, одобрявшего арест Чернышевского, В. И. Ленин расценил как одного из «отвратительнейших типов либерального хамства», а его выступления в 60-х годах рассматривал как «образчик профессорски-лакейского глубокомыслия!»²⁰.

Несомненен и либерально-буржуазный характер политических взглядов Соловьева. Об этом свидетельствует его деятельность как историка. Не следует забывать, что расцвет научной деятельности Соловьева с конца 50-х и до конца 70-х годов прошлого века совпал со временем, когда он стал более последовательно раскрывать в своих произведениях принципы государственной школы.

Откликаясь на злободневные вопросы современности, Соловьев издал в 1858 г. «Исторические письма», отразившие его либерально-буржуазную позицию по отношению к крестьянской реформе. Несколько позднее вышли в свет исследования Соловьева: «История падения Польши» (1863 г.), «Публичные чтения о Петре Великом» (1872 г.), «Император Александр I. Политика и дипломатия» (1877 г.). Его работы оказали значительное влияние на русскую историческую науку того времени.

Поскольку вопрос о принадлежности Соловьева к государственной школе не получил в исторической литературе обстоятельного освещения, на оценке его трудов в смысле отражения в них принципов государственников следует остановиться более подробно.

Несомненно, работы Соловьева в свое время значительно обогатили

¹⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. V. М. 1950, стр. 669.

¹⁸ А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. IX. М. 1956, стр. 248—249.

¹⁹ См. «Воспоминания Б. Н. Чичерина». М. 1929, стр. 22.

²⁰ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 13; т. 5, стр. 30.

историческую науку. История России XVII и в особенности XVIII в. освещалась им во многом впервые и на основе новых материалов. Соловьев был крупнейшим буржуазным историком в России. По вкладу в историческую науку, разработке широкого круга проблем русской истории, тщательности изучения новых источников, в особенности архивных, Чичерин и Кавелин не могут идти с ним в сравнение²¹. Однако в теоретическом отношении Соловьев начиная с конца 50-х годов прошлого века в значительной мере шел за Чичериным и в своих работах основные проблемы истории России рассматривал с позиций государственников. Об этом, в частности, свидетельствует трактовка им такой актуальной для середины XIX в. проблемы, как закрепощение крестьянства в России. В данном случае Соловьев отправлялся, в сущности, от выводов, впервые сформулированных в работах Чичерина («Обзор исторического развития сельской общины» и «Холопы и крестьяне в России до XVI века»). В этих статьях Чичерин исходил из того положения, что до конца XVI в. крестьяне юридически оставались свободными, совершали беспрепятственные переходы от одного владельца к другому и лишь в конце этого столетия, по его мнению, они были закрепощены государством. Подобную точку зрения высказывал в «Истории России» и Соловьев, объясняя закрепощение крестьянства в духе чичеринской теории закрепощения всех сословий в России «сверху», государством. Вслед за Чичериным Соловьев писал о непрочности общественных связей в древней Руси, о «волнующемся жидком состоянии общества» до закрепощения сословий, о «бродажничестве» крестьян. Государственная власть, полагал Соловьев, преодолевая всеобщее брожение, вынуждена была сначала заставить служить себе помещиков, а затем закрепостила крестьянские массы. С этих времен, замечает Соловьев, укоренилась «привычка русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление ловить, усаживать и прикреплять»²². Соловьев, подобно Чичерину, вполне одобрял крепостническую политику царизма, ссылаясь для ее обоснования на особые «исторические обстоятельства». Он решительно осуждал антикрепостнические крестьянские движения как «анархические». В таком духе рассматривал Соловьев в «Истории России» движения под руководством Болотникова, Разина и Булавина, обнаруживая в их оценке принципиально иной подход по сравнению с революционерами-демократами. Решительное осуждение Соловьевым протеста народных масс против крепостнического угнетения сближало его вместе с другими государственниками с официальной дворянской историографией.

В связи с вопросом о складывании крепостнических отношений в России следует отметить, что некоторые представители государственной школы, в частности Кавелин, идеализировали эти отношения. В статье «Мысли и заметки о русской истории» (1866 г.) Кавелин утверждал, что до начала XVIII в. отношения между крестьянами и помещиками носили патриархальный характер и не отягощали существенно крестьян, не исключали «нопечительности о людях» со стороны помещика²³. В своем понимании крепостного права в допетровской Руси Кавелин, по существу, солидаризировался со славянофилами. Кроме того, извращая историю, он пытался представить монархические настроения крестьян как национальную особенность русского народа. «В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки,—заявлял Кавелин,—русскому народу представилась в идеальном, преобразованном виде, та же самая

²¹ Исторические взгляды С. М. Соловьева во всей их полноте и общее значение его исследований для развития исторической науки в России не рассматриваются в статье; в ней затронуты только те особенности воззрений Соловьева, которые раскрывают его отношение к государственной школе в русской историографии.

²² С. М. Соловьев. История России. Кн. III, стб. 664.

²³ К. Д. Кавелин. Соч. Т. I. СПб. 1897, стб. 629.

власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал»²⁴. Кавелин не видел подлинных национальных качеств русского народа: его любви к труду, неустанных стремлений к социальному освобождению и духовному прогрессу. Он презрительно третировал народные массы, отводя им пассивную роль исполнителя предначертаний самодержавной власти. Такое толкование рассматриваемых вопросов в итоговой исторической работе Кавелина также свидетельствовало о сближении государственников с дворянской историографией в пореформенный период.

Коренные особенности государственной школы нашли свое выражение и в освещении ее представителями проблемы петровских преобразований в России. Этот вопрос затрагивался в работах Кавелина, который еще в своей ранней статье «Юридический быт в древней России» (1847 г.) связывал с деятельностью Петра I окончательное утверждение в стране государственных отношений.

Петровские преобразования, по мнению Соловьева, являлись важным этапом в историческом развитии России. Характерно, что в «Истории России» он придавал первостепенное значение деятельности правительства, государственной власти и ее носителю Петру I. В этом смысле его «История России» мало отличалась от «Истории царствования Петра Великого», написанной официальным историком Н. Г. Устряловым (1858—1864 гг.).

Заслуги Соловьева в изучении петровских преобразований, несомненно, значительны. Его труды основывались на обширных, во многом неизвестных ранее материалах и содержали новую оценку исторических предпосылок и прогрессивного исторического значения реформ Петра I. Однако не следует забывать, что соответствующие тома «Истории России» (XIII—XVIII), посвященные петровским преобразованиям и изданные в 1863—1868 гг., представляли собой историческое обоснование воззрений Соловьева как буржуазного либерала на реформы в России, проведенные в 60—70-х годах XIX века. В связи с этим он подчеркивал историческую неизбежность реформ Петра I и расценивал их как крутой перелом в развитии страны, достигнутый благодаря деятельности правительства, как «нашу революцию начала XVIII века», осуществленную волей самодержца. Попытка противопоставить реформы Петра I Французской революции конца XVIII в. и стремление доказать, что эти реформы, осуществлявшиеся самодержавной властью, служили универсальным средством общественных преобразований, свидетельствуют о том, что по своим взглядам Соловьев являлся буржуазным либералом²⁵. Он идеализировал деятельность Петра I и превращал реформатора-самодержца в главного героя своего повествования.

Вернувшись позднее к теме петровских преобразований в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 г.), Соловьев во многом повторил свои выводы, сформулированные в «Истории России». Вместе с тем он обнаружил и новые особенности в их понимании в связи с усилившимся воздействием на его взгляды принципов государственной школы. Так, в «Публичных чтениях» Соловьев уже не говорил о преобразованиях первой четверти XVIII в. как о крутом переломе в историческом развитии России и не сравнивал их с Великой Французской революцией. Напротив, он подчеркивал историческую подготовленность реформ, стремление Петра I сохранить в процессе преобразований все лучшее из старого, доказывал эволюционный характер реформ и сравнивал время правления Петра I с эпохой Возрождения в Западной Европе XV—XVI веков. Такое понимание преобразований Петра I, несомненно, было связано с возросшей умеренностью политических взглядов Соловьева, с его решитель-

²⁴ Там же, стб. 637.

²⁵ См. С. М. Соловьев. История России. Кн. III, стб. 803—806, 1055.

ным осуждением революционных потрясений, которые он характеризовал как «болезненные припадки», искажавшие якобы «нормальное» общественное развитие. В рассматриваемом произведении Соловьев, опираясь на исторический опыт петровских реформ, делал вывод, выявлявший общность его воззрений со взглядами государственников: «Народы в своей истории не делают прыжков»²⁶.

Характерно, что в «Публичных чтениях» Соловьев еще настойчивее подчеркивал мысль о том, что реформы Петра I были «народным делом», а сам Петр — «народным царем», что он своей политикой выражал народные интересы и сам являлся образцом труженика в деле преобразования страны. Соловьев оценивал Петра I как «великого учителя народного... великого помощника народного», рисовал образ «царя-работника»²⁷. Начав идеализацию Петра I в «Истории России», Соловьев еще более усилил ее в «Публичных чтениях». К тому же и представление о народе у него было типичным для буржуазного историка. Народ в его представлении — сплошная инертная масса.

Вместе с тем реальная историческая действительность вынуждала историка, правда, эпизодически, отмечать непомерные тяготы, ложившиеся на плечи трудящихся масс в эпоху реформ Петра I. Но это не мешало Соловьеву полностью оправдывать политику правительства Петра I даже в тех случаях, когда он объяснял причины народных возмущений, происходивших в годы преобразований, таких, как движение Булавина или восстание башкир. В этих движениях историк видел неоправданный и мешавший реформированию страны протест «анархических» элементов народа «против призыва Петра к тяжелому труду»²⁸. Подобные высказывания говорят о том, что точка зрения Соловьева на народные движения тождественна воззрениям государственников и противоположна взглядам революционеров-демократов.

Теоретические установки Соловьева, на которых основывалась оценка им реформ Петра I, не были случайными. Подобно Чичерину, он свел деятельность государства к деятельности правительства и даже последнюю ограничил действиями самодержца, по своей воле и почину преобразующего страну. В связи с этим следует сказать, что одновременно с подготовкой «Публичных чтений о Петре Великом» Соловьев работал над другим обобщающим произведением — «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876 гг.), в котором также сформулированы некоторые важные теоретические принципы истолкования исторического процесса. В частности, он определил отношение между деятельностью правительства и жизнью народа, а также взаимоотношения народа и личности в истории. Соловьев писал: «Правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, а потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка»²⁹. Соловьев в этом вопросе следовал за идеалистическими философско-историческими представлениями Гегеля, утверждавшего, что народ без государства немислим, поскольку «государство есть необходимая форма для народа».

Развивая свою мысль об отношениях между правительством и народом, Соловьев заявлял, что правительственная жизнь «служит самою

²⁶ С. М. Соловьев. Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза», стб. 1008. Приведенная формула Соловьева, по существу, воспроизводила аналогичные суждения Чичерина в его известном письме к Герцену в 1856 году. Здесь Чичерин писал о «законе постепенности, проникающем все явления», утверждал, что «история, как природа, не делает скачков» и каждый народ в «нормальные», то есть мирные периоды своего исторического развития, совершает «свое шествие, медленное и постепенное» («Голоса из России». Ч. I. Лондон. 1856, стр. 31—32).

²⁷ С. М. Соловьев. Собрание сочинений, стб. 1016.

²⁸ Там же, стб. 1082.

²⁹ Там же, стб. 1123.

лучшей проверкою народной жизни... мы должны изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни... с другой стороны, деятельность правительственных лиц, обуславливаясь известным состоянием общества, производит могущественное влияние на дальнейшее развитие этого общества и потому должна обращать на себя особенное внимание историка»³⁰. Отсюда и вытекало то положение, определившее понимание Соловьевым петровских преобразований в его «Публичных чтениях», согласно которому историк должен писать не о народных массах, а раскрывать деятельность правительства, направляющего жизнь народа.

Подобное понимание Соловьевым движущих сил истории было типичным для государственников и сближало их с дворянскими историками не только в трактовке реформ Петра I, но и в определении роли народных масс и государственной власти в историческом развитии всех народов³¹. Тем самым Соловьев выступил против коренного принципа исторической концепции революционных демократов — признания решающей роли народных масс в истории.

Отличаясь широтой исторических интересов, Соловьев в ряде своих произведений («История России с древнейших времен», «История падения Польши» (1863 г.), «Россия, Австрия и Англия во время движений 1848—1849 годов» (1877 г.), «Император Александр I. Политика и дипломатия» (1877 г.) уделил значительное внимание вопросам внешней политики. Это было вызвано не только стремлением историка осветить важную сторону русского исторического процесса, но и в значительной мере обострением отношений после Крымской войны между Россией и западноевропейскими государствами.

Научная ценность исследований Соловьева по вопросам истории внешней политики России несомненна. Он привлек обширный круг дипломатических документов, большей частью извлеченных из архивов, им впервые поставлены и освещены многие новые вопросы. Внешнюю политику России Соловьев рассматривал в тесной связи с историей международных отношений, а также с историей других, главным образом соседних европейских государств.

При всех научных достоинствах трудов Соловьева они носят на себе печать ограниченности государственной школы. В центре внимания автора оставалась деятельность государства, самодержавного правительства, представителей власти. Соловьев оценивал внешнюю политику России с великодержавных позиций, одобрял многие внешнеполитические акты царского правительства, имевшие захватнический и реакционный характер. Он не сумел оценить и подлинного значения экономических факторов, определявших взаимоотношения России с другими государствами, не показал роли народных масс в области внешней политики страны.

Однако при несомненном родстве воззрений Соловьева и представителей государственной школы следует отметить, что он, как уже говорилось, занимал в этой школе особое место и не являлся таким типичным государственником, какими были Чичерин и Кавелин. Признание Соловьевым исторического процесса внутренне обусловленным, закономерным, хотя принцип закономерности раскрывался им, как и

³⁰ Там же, стб. 1124.

³¹ В этой связи достаточно указать на точку зрения официального дворянского историка Д. И. Иловайского: «...жизнь и движение народ проявляет в своих представителях. Вот почему история, по преимуществу, имеет дело с лицами, стоящими во главе народа, и вообще с теми деятелями, посредством которых он проявляет себя в разных сферах общественного развития» (Д. И. Иловайский. История России. Ч. I. М. 1876, стр. VI).

всеми представителями буржуазной историографии, разумеется, в идеалистическом плане, его тяготение к конкретному материалу, часто не укладывавшемуся в абстрактные юридические формулы, весьма характерны для взглядов этого историка. Поэтому на его работах в меньшей степени лежал отпечаток формально-юридической трактовки исторических проблем, нежели на сочинениях Чичерина и Кавелина. Если последние проявили себя в основном как теоретики государственной школы, то С. М. Соловьев своими трудами, несомненно, внес крупный вклад в русскую историческую науку своего времени.

Особенности взглядов Соловьева все же не дают оснований для отделения его от государственной школы. Поступать так — значит игнорировать самое главное в политических и исторических воззрениях Соловьева: его буржуазный либерализм, враждебное отношение к демократическому движению и к революционно-демократическому направлению в русской историографии, несомненную близость к официальной дворянской историографии. В закономерной связи с такими позициями Соловьева в политике и науке находились его теоретические принципы в истолковании исторического процесса, прежде всего понимание им роли государства и народных масс в истории, определившее и трактовку Соловьевым основных проблем истории России. По всем этим важнейшим вопросам Соловьев смыкался с государственной школой, и поэтому отличительные особенности его исторических взглядов сравнительно с ее наиболее типичными представителями имеют второстепенное значение³².

В пореформенный период традиции государственной школы продолжила новая группа буржуазных историков, в основном ученики Б. Н. Чичерина, так сказать, «второе поколение» государственников. К их числу относились В. И. Сергеевич (1835—1911 гг.), А. Д. Градовский (1841—1889 гг.), в некоторой степени Ф. И. Леонтович (1833—1911 гг.) и ряд других историков. Их научная деятельность началась позднее, преимущественно в 60-х годах XIX века. В своих трудах они более полно отразили особенности буржуазной историографии пореформенного периода. Деятельность этих буржуазных историков изучена крайне слабо. Они рассматривались зачастую независимо от государственной школы в русской историографии³³. Между тем их взгляды дают

³² Необходимо отметить, что демократически настроенные современники Соловьева не отделяли его от государственников. Так, Чернышевский, признавая научные заслуги Соловьева и называя его «достойным историком», вместе с тем справедливо полагал, что он считал деятельность государства основным источником общественного развития. В этом смысле он называл Соловьева, вместе с Чичериним, «приверженцем бюрократической централизации» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VII, стр. 796). Еще более определенно подчеркивали общие черты исторических взглядов Соловьева и государственников Г. З. Елисеев и Н. В. Шелгунов. Первый в обстоятельной рецензии на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева писал, что автор «исключительно занят государственным началом и централизацией московскою» («Современник», 1860. Кн. 11 (т. 84), стр. 66). Н. В. Шелгунов отозвался на издание XIII тома «Истории России» Соловьева статьей под характерным наименованием «Ученая односторонность», в которой упрекал историка в одностороннем раскрытии только деятельности государства в истории России и в игнорировании интересов народа. «Зная вполне,— писал Шелгунов,— что нужно государству в его политических нуждах, мы не находим у г. Соловьева указаний на то, что нужно ему для удовлетворения потребностей народных» («Русское слово». 1864. Кн. 4, отд. II, стр. 36).

³³ В историографической литературе встречается как противопоставление государственной и историко-юридической школ в русской историографии, так и подмена первой второй. По нашему мнению, следует говорить не о двух школах, а о двух этапах в развитии одной государственной школы, так как историк, по традиции причислявшийся к «историко-юридической школе», разделяли те коренные теоретические принципы, которые были ранее сформулированы историками-государственниками, прежде всего Б. Н. Чичериним. Разумеется, это не исключало своеобразных моментов в воззрениях представителей «второго поколения» государственной школы.

возможность показать эволюцию государственной школы, новые черты, характеризующие ее на новом этапе развития.

Сходство воззрений перечисленных историков с представителями государственной школы определялось политической основой их исторических взглядов. Как буржуазные либералы, они иногда выступали с робкой и непоследовательной критикой крайней реакции, но вся их деятельность свидетельствовала о том, что эти историки были убежденными и решительными противниками революционного движения, видели свой идеал в «правовом» государстве, полагая, что им может стать самодержавное государство при некоторых уступках буржуазным элементам, призванным поддержать и упрочить его могущество и этим предотвратить демократическую революцию в России.

Эволюция политических воззрений государственников пореформенного периода, как типичных буржуазных либералов, в условиях подъема демократического движения в годы второй революционной ситуации и усиления затем рабочего движения в стране шла в совершенно определенном направлении: их оппозиционные настроения все более выветривались, и они все теснее смыкались с силами реакции. В соответствии с этим «второе поколение» государственников вслед за своими предшественниками подчеркивало решающее значение государственной власти как в разрешении современных им общественно-политических проблем, так и в исторических судьбах России. В центре их внимания оставались вопросы развития государственных учреждений, правовых норм, законодательства, которое, по их мнению, регулировало все стороны общественной жизни с момента возникновения государства.

Однако своеобразные особенности пореформенной России не могли не наложить отпечатка на исторические воззрения и направление научных интересов представителей «второго поколения» государственной школы. Развитие капитализма привело к некоторым изменениям в классовой природе самого либерализма. Усиление буржуазных элементов в стране имело одним из своих последствий превращение помещичье-буржуазного либерализма в буржуазно-помещичий. Этот процесс сказался и на политической программе либералов, которые стали робко высказывать мысли о введении конституции, не ослаблявшей, однако, самодержавной власти, как силы, охранявшей буржуазию от народной революции. Вместе с тем проведение буржуазных реформ — крестьянской, земской, городской, судебной и других — и связанная с этим необходимость приспособления государственного аппарата самодержавия к новым условиям, подъем массового и революционного движения в стране привлекали внимание к ряду новых исторических проблем.

Необходимо также учитывать развитие буржуазной философии и социологической мысли в Западной Европе во второй половине XIX в., оказавших известное влияние на теоретические взгляды государственников. Так, В. И. Сергеевич испытал некоторое воздействие позитивистских теорий О. Конта, Милля, Льюиса, Спенсера. Свидетельством этого являлась его докторская диссертация «Задачи и метод государственных наук» (1871 г.). Дань позитивизму в своих работах отдал и А. Д. Градовский. Сергеевич в упомянутой диссертации отказался от широких обобщений и призвал исследователей сосредоточить внимание на установлении отдельных исторических фактов, обосновывал эмпиризм в исторической науке, частично предвосхищая те явления в буржуазной историографии, которые в эпоху империализма стали ее характерными признаками.

Для понимания особенностей исторических воззрений государственников пореформенного периода имеет значение также и то, что наиболее типичные из них являлись, как правило, историками-юристами со свойственной им тематикой исследований и формально-юридическим анали-

зом источников. В этом отношении Сергеевич, например, серьезно отличался от Соловьева и шел даже дальше Чичерина и Кавелина.

Центральная проблема всех государственников — проблема развития государственной власти и ее отношение к народу — получила освещение применительно к истории древней Руси в работе В. И. Сергеевича «Вече и князь» (1867 г.) В ней автор подверг во многом справедливой критике родовую теорию Соловьева, согласно которой отношения между князьями в древней Руси будто бы регулировались принципом старшинства в роде. Опровергая теорию лестничного восхождения при замещении княжеских столов, Сергеевич заявлял: «Корень ошибочного толкования источников родовой теорией заключается в том, что она отправлялась от предположения наличности строго выработанного порядка преемства для такого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы»³⁴. В связи с этим он упрекал Соловьева в модернизации прошлого, в перенесении в древнюю Русь современных понятий права. Но такую же ошибку допускал сам Сергеевич, развивая теорию договорных отношений между князьями, между князьями и дружиной, а также народом, выдвинутую ранее Чичериным и обоснованную им в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей»³⁵. Согласно утверждению Сергеевича, договорные отношения определяли собой якобы все стороны государственной и общественной жизни древней Руси на протяжении веков. Древнерусское государство, по его мнению, результат договора между князем и народным представительством — вече. В итоге правовые нормы рассматривались им в качестве источника политической организации, имевшего самодовлеющее значение.

В этих суждениях Сергеевича отразились не только его идеалистическое понимание исторического процесса и игнорирование социально-экономических отношений, определяющих государственную организацию, но только модернизация прошлого, выражавшаяся в оценке регулирующего значения договорных отношений с позиций буржуазного публичного права, но также искажение прошлого в том смысле, что вече рассматривалось в качестве общенародного представительства. Тем самым Сергеевич отрицал классовые противоречия в древнерусском обществе. Но при всех особенностях взглядов Сергеевича на характер государственной и общественной организации в древней Руси он сохранил принципиальную общность со всеми государственниками, главным образом с Чичериным, поскольку и у последнего княжеская власть выступала в качестве творческого начала в древнерусской истории.

Государственники «второго поколения» продолжали освещать в своих работах проблему происхождения крепостного права в России. Некоторые из них шли вслед за Чичериным, точно так же связывая закрепощение крестьян с деятельностью государства, якобы закрепощавшего и другие сословия. На таких позициях находились Градовский и Сергеевич. Так, Градовский полагал, что крестьяне в России были вольными до конца XVI века. «Вольно ходил и переходил он (крестьянин.— В. И.) по отечеству»; «деятельность нашего правительства начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий»³⁶, — заявлял Градовский. Длительное время Сергеевич настаивал на существовании особого акта, которым будто бы государство закрепостило крестьян в конце XVI в., повторяя, по существу, аналогичную ошибку Чичерина.

Несколько иначе объяснял этот вопрос Ф. И. Леонтович. Его несомненной заслугой являлось изучение процесса закрепощения крестьян

³⁴ В. И. Сергеевич. Древности русского права. Т. II. СПб. 1908, стр. 369.

³⁵ См. Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 232—375.

³⁶ А. Д. Градовский. История местного управления в России. Т. I. СПб. 1868, стр. 1, 5.

в Литовско-Русском государстве («Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий» (1863 г.).

Тема исследования Леонтовича была откликом на злобу дня: работа писалась в период проведения крестьянской реформы. В своей монографии Леонтович выяснил как общие черты процесса закрепощения крестьян в Юго-Западной Руси и в центральных областях России, так и его специфические особенности на изучаемой территории. При этом он не признавал мнения большинства историков о единовременном закрепощении крестьян в конце XVI в. применительно к Юго-Западной Руси, подвергал сомнению и правильность этого тезиса также по отношению к Центральной России. Леонтович считал, что в Юго-Западной Руси процесс закрепощения крестьян протекал постепенно и длительное время: «Нельзя указать момента, — писал он, — с которого, собственно, начинается несвободное состояние крестьян; переход к нему совершается незаметно. Крестьяне мало-помалу опутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства»³⁷.

Точка зрения Леонтовича на происхождение крепостного права в России несколько отличалась от выводов Чичерина. Тем не менее Леонтович, подобно другим буржуазным историкам, утверждал, что деятельность государства является решающим условием закрепощения крестьян, и рассматривал отношения между крестьянами и помещиками преимущественно как правовые, выраженные и закрепленные в законодательстве. Этот формально-юридический подход к изучаемой проблеме сближал Леонтовича с государственниками.

Представители государственной школы начали разрабатывать в пореформенный период во многом новую для исторической науки проблему истории местного управления в России. Этой теме была посвящена докторская диссертация А. Д. Градовского, изданная им в 1868 году. В предисловии к книге автор подчеркивал созвучие темы злободневным вопросам современности³⁸.

Задумав свое исследование как начало изучения губернской администрации, Градовский ограничился первоначально характеристикой местного управления России XVI—XVII вв. на примере уездов Московского государства. Им был использован и обобщен новый и важный по своему научному значению материал разнообразных источников.

В рассматриваемой работе Градовский подверг анализу узловые вопросы: состояние класса земледельцев, земской и сословной общины XVI и XVII вв., общий характер административного и уездного управления этого периода, — но интерпретировал их в формально-юридическом плане. Он солидаризировался с коренным положением Чичерина о том, что отличия русского исторического процесса от западноевропейского заключались в решающей роли государственной власти в России. Он попытался исторически обосновать распространенную в либеральных кругах пореформенного периода идею «земского царя». «На Западе, — писал Градовский, — общины объявили себя непосредственными подданными короля после долгих усилий и кровавых побед над феодализмом; а в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живую практическую действительностью»³⁹.

Стремясь исторически обосновать иногда проскальзывавшие у буржуазных либералов конституционные иллюзии, государственники пореформенного периода стали разрабатывать историю деятельности земских соборов в древней Руси. Посвященная этой проблеме монография В. И.

³⁷ Ф. И. Леонтович. Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев. 1863, стр. 4.

³⁸ См. А. Д. Градовский. Указ. соч., стр. 1.

³⁹ Там же, стр. 132.

Сергеевича «Земские соборы в Московском государстве» (1875 г.) доказывала, что земские соборы являлись первой ступенью представительных учреждений и в качестве таковых сыграли важную роль в управлении государством. Сергеевич не разделял славянофильской идеализации земских соборов как органов выражения «народного мнения», но своей трактовкой характера деятельности этих учреждений он, безусловно, искажал их подлинное значение в духе современного ему буржуазного конституционализма, полагая, что они будто бы в известной мере ограничивали царскую власть.

Под несомненным влиянием реформ 60-х годов государственники изучали историю государственных учреждений. Продолжая традиции Чичерина, написавшего монографию об областных учреждениях России в XVII в., А. Д. Градовский издал в 1866 г. исследование «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры». В ней он обосновывал необходимость преобразований высшей администрации в целях ее приспособления к условиям пореформенной России.

В общем понимании петровских реформ, в результате которых была создана новая высшая администрация в России, Градовский следовал Соловьеву. Объясняя новшества в государственном аппарате в первой четверти XVIII в., Градовский преувеличил воздействие иностранных влияний, прежде всего шведских образцов, и в этом смысле следовал за Чичериным.

Исследование Градовского, явившееся первым опытом систематической истории высших и центральных учреждений в России XVIII в., освещало деятельность Сената, Верховного тайного совета, административные преобразования в царствование Екатерины II и Александра I, особенно подробно характеризовалась деятельность генерал-прокуроров и их функции. Градовский высказал ряд общих суждений, раскрывающих его понимание русского исторического процесса в духе государственников. Так, он солидаризировался с Чичериным в вопросе закрепощения сословий. «Закрепощение одного сословия на службу государству, — писал он, — совершалось под условием такого же закрепощения крестьян на службу этого сословия»⁴⁰. В духе Чичерина Градовский объяснял деятельность воеводской администрации XVII в., укреплявшей, по его мнению, государственные начала в России до реформ Петра I. «Сильная и энергичная деятельность воевод была единственным пунктом, где начиналось чувствовать значение государства в новейшем смысле этого слова»⁴¹, — отмечал он, ссылаясь на заключение в книге Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». Наконец, Градовский вслед за Чичериным полагал, что историческое развитие России существенно отличалось от исторического развития стран Западной Европы и это различие якобы было обусловлено всемогуществом государства в нашей стране.

Таковы основные проблемы истории России, разрабатывавшиеся представителями государственной школы.

Подведем итоги. Государственная школа в своем развитии прошла через определенные этапы. Начальный период (40-е — первая половина 50-х годов) связан с именами С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, в трудах которых были сформулированы некоторые важные принципы государственников. В этом смысле Соловьев и Кавелин могут считаться основоположниками государственной школы. Но окончательное оформление она получила в результате деятельности Б. Н. Чичерина, который в условиях назревания революционной ситуации в стране и подготовки проведения буржуазных реформ «сверху» выступил как лидер помещичье-буржуазного либерализма и дал историческое обоснование его политической

⁴⁰ А. Д. Градовский. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб. 1866, стр. 7—8.

⁴¹ Там же, стр. 37.

программы, наиболее отчетливо сформулировал и последовательно реализовал в своих трудах коренные принципы государственной школы. Как глава этой школы, Чичерин оказал влияние в теоретическом отношении на своих старших современников — Кавелина и Соловьева, хотя они и сохранили, в особенности Соловьев, некоторые своеобразные черты своих прежних воззрений. Еще более сильное влияние Чичерин оказал на целую плеяду своих последователей, «второе поколение» государственных: В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского и некоторых других, начавших научную деятельность в 60-х годах, то есть уже в условиях пореформенного периода.

Эволюция государственной школы отражала эволюцию буржуазного либерализма в России. Подобно тому, как последний все более утрачивал оппозиционные тенденции и теснее смыкался с силами реакции, начиная со времени буржуазных преобразований в стране в середине XIX в., так и представители государственной школы сближались с официальной историографией, постепенно утрачивая положительные черты буржуазной историографии в период ее подъема. Особенно характерны в этом смысле взгляды государственных пореформенного периода, которые стали отрываться от принципа закономерности истории даже в его идеалистической трактовке, начали следовать идеям позитивизма. Разрабатывая сравнительно широкий круг проблем, государственники «второго поколения» разрешали их, как правило, на более низком теоретическом уровне по сравнению, например, с Соловьевым, отрывали изучаемые явления от конкретной исторической обстановки, давали им одностороннюю юридическую трактовку, что было свойственно в наибольшей степени В. И. Сергеевичу.

Период наиболее интенсивной деятельности государственной школы приходился на 60—70-е годы XIX в., когда она занимала господствующее положение в русской буржуазной историографии. Однако и в это время буржуазная историография не поглощалась целиком государственной школой. Вне ее находился такой крупный либерально-буржуазный историк, как Н. И. Костомаров, воззрения которого заметно отличались по ряду вопросов от взглядов государственных. Своеобразными были также исторические взгляды А. И. Никитского, изучавшего проблемы экономического развития России, главным образом торговли, что не было характерно для государственных. Существенно отличался от государственных и В. О. Ключевский, начавший приобретать в 70-х годах известность своими трудами. Проявившееся уже в этих трудах внимание молодого историка к экономической и социальной проблематике также выходило за пределы основных интересов государственных. В 80-х годах, когда Ключевский уже выступил как зрелый и авторитетный ученый, он создал свою школу в буржуазной историографии, которая заняла с тех пор в ней господствующее положение.

В свое время представители государственной школы внесли, как было показано, определенный вклад в историческую науку, мобилизуя новый фактический материал и освещая ряд неисследованных вопросов. Они много сделали для изучения истории России XVII—XVIII вв., в особенности в разработке истории русского законодательства, деятельности земских соборов, истории государственных учреждений — местных, областных, центральных и высших, — истории органов самоуправления, сословий и ряда других вопросов.

Однако в соответствии со своим коренным убеждением относительно руководящей роли государства в истории России примыкавшие к этой школе историки рассматривали изучавшиеся ими проблемы прежде всего в правовом аспекте, в их законодательном выражении. В результате государственники обрекали себя на формально-юридическую трактовку исторического процесса, искажали и обедняли его подлинное содержание, оказывались бессильными понять истинные закономерности и движущие

силы истории. Вместе с тем они допускали модернизацию прошлого, привнося в правовые нормы пройденных этапов свои современные представления, и тем самым идеализировали деятельность самодержавного государства, которое строило свои отношения к народным массам на угнетении, произволе и насилии. Особенно сильно государственники извращали историю России, сводя ее к деятельности государственной власти, игнорируя и искажая деятельность народных масс. Эти ложные принципы выполняли совершенно определенную политическую функцию. В период подъема демократического движения и обострения классовой борьбы в стране государственники возвеличивали и поддерживали самодержавную власть, что показывает реакционную сущность буржуазного либерализма.

Несостоятельные методологические принципы государственной школы обуславливали ошибочные выводы и обобщения в отношении тех исторических проблем, которые изучались историками-государственниками.

Отмеченные особенности исторических взглядов представителей государственной школы выявляют классовую, помещичье-буржуазную природу их мировоззрения. Благодаря этому государственники оказали сильное влияние на развитие буржуазной историографии не только в период, когда государственная школа занимала в ней господствующее положение, но и в то время, когда она уже начала его утрачивать.

Воздействие основных принципов государственной школы отчетливо прослеживается, например, в завершающем труде В. О. Ключевского «Курс русской истории». Если до 90-х годов XIX в. можно видеть значительное различие между Ключевским и государственниками как в характере воззрений, так и в проблематике, то в завершающий период своей научной деятельности Ключевский все более полно воспроизводил в своих работах свойственное государственникам понимание русского исторического процесса.

Принципы государственной школы оказали известное влияние и на некоторых представителей старшего поколения советских историков, формировавшихся под воздействием буржуазной историографии, в частности под влиянием «Курса русской истории» В. О. Ключевского. Таким историкам, как М. М. Богословский, Ю. В. Готье, и другим пришлось преодолевать влияние государственной школы. Все это доказывает, насколько живучи были традиции государственников в русской историографии.

Одна из важных задач советских историков — всестороннее и глубокое изучение историографических проблем. К их числу относится и вопрос о государственной школе в русской историографии.